

Номинация: 2. «Пьесы малого формата и экспериментальные тексты для театра».

КАССАНДРОВА БЕДА/ ЛАПСЕРДАК *

Кризисная трагикомедия

*Недолго музыка играла,
Недолго фраер танцевал.*

Действующие лица:

Первый, рабочий шиномонтажной мастерской, бывший зоолог.

Второй, рабочий шиномонтажной мастерской, бывший парикмахер.

Алла, рабочая шиномонтажной мастерской, бывшая телеведущая прогноза погоды.

Действие первое.

Картина первая.

Посреди пустынной местности сиротливо стоит не то маленькая будочка, не то гараж, облатанный сверху кусочками брезента разных времён укладки, а по бокам – опалёнными солнцем и всеми возможными следствиями непогоды огрызками пластмассы, первоначальное назначение которых уже невозможно установить, ибо оно затерялось в веках. Перед входом на единственном уцелевшем гвозде болтается выцветшая табличка, на ней едва различима надпись: Мы открылись! Шиномонтаж «На колёсах», 24 часа, Развал-схождение, все услуги. Далее табличка поновее: Почти даром. Сбоку приложена ещё одна: Корабельный воск. Здесь же какая-то отчаявшаяся рука приписала: Приглядим за вашим котом в любое время суток. По всем вопросам обращаться внутрь.

С треском распаивается дверь, из неё появляется единственный рабочий фирмы «На колёсах». На нём обычная одежда безработного шиномонтажника: стёртые джинсы, облезлые ботинки, растёгнутая куртка и футболка с лозунгом: «Мир, дружба, жевачка». Мужчина достает из-за таблички спички, прикуривает, смотрит на дорогу. Вдали чуть заметно клубится пыль: кто-то движется в этом направлении. Мужчина стоит, терпеливо провожая автобус взглядом, пока тот не останавливается неподалёку. Из него выходит другой мужчина, несколько моложе первого, с большим рюкзаком за плечами, и осматривает открывшийся перед ним унылый пейзаж.

ВТОРОЙ (достаёт бумажку из кармана, сверяется с ней). Здравствуйте, не подскажете, где здесь шиномонтаж «На колёсах», Северная коммунальная зона, 1?

ПЕРВЫЙ. Здесь. Где ж ещё? Что ли не похоже? С какими целями интересуетесь?

ВТОРОЙ. Меня сюда на работу прислали. Шиномонтёром.

ПЕРВЫЙ. Шиномонтажником. (с сомнением осматривает Второго, затем, одобрительно хмыкнув, разворачивается, махнув ему рукой, приглашая внутрь будочки). Ну что ж, новые работники никому ещё не помешали. Вот только делать тут нечего, работы нет.

ВТОРОЙ. Вот те раз. Это как нет? Совсем?

ПЕРВЫЙ. Совсем.

ВТОРОЙ. Это что же мне тогда? На автобус, получается, я уже не успел, он же тут один в город-то и ходит, да я, собственно, на нём же и приехал. К вам! И на билет у меня всё равно не хватило бы ни на автобус, ни на поезд. Я ж сюда, как дурак, заработать ехал.

ПЕРВЫЙ. А кто-то вам сказал, что есть работа? Объявление в газете увидели?

ВТОРОЙ. Да нет, знакомые знакомых. Сказали, ехай, дорогой, я и поехал, мне терять-то всё равно нечего. Всегда хотелось научиться какому-нибудь настоящему мужскому делу, вот и приплыли.

ПЕРВЫЙ. Что, уж так плохо на большой земле стало?

* — полупальто; верхняя одежда.

ВТОРОЙ. Может, и нормально кому. А лично мне пятый месяц не платят. Оптимизация расходов. Я в салоне одном, в парикмахерской, работал. До кризиса зарабатывали вообще нормально, а как бахнул – всё, индесфастерьец пришёл полный.

ПЕРВЫЙ. Ну ничё, парикмахеров нам тут как раз не хватало. Это ты серьёзно или как?

ВТОРОЙ. Да уж куда тут несерьёзно. А ты что же, думаешь, это самый нелепый способ для мужика деньги заработать что ли? Сейчас тогда увидишь. Короче, слушай, не перебивай. Я тебе расскажу, как деньги зарабатывать. Значит, выиграл один мой знакомый купон. На тайский массаж. Приходит в салон радостный. Сто лет мечтал. Само собой, сначала страшновато было, ну мало ли что там, а тут судьба сама в руки такой подарок кинула, что ж не пойти. Вваливается, он к ним с улицы внутрь, неуклюжий такой, разухабистый, обычный, значит, мужик. А у них такой там романтик: стены алые, свет приглушённый, золотистый, на стенах фоточки висят такие всякие, ну там. Стремновато. И голос из глубины зала приятный: раздевайтесь, говорит, проходите на рецепшн. Наш чел сразу воспрянул духом, быстренько шарф с шеи смотал, пальтишко на крючочек набросил, валенки в угол отодвинул и наострился прямо в глубь зала. Через два бодрых шага, правда, его приняло в свои объятия огромное такое зеркало – в нём, оказывается, отражалась фигура администраторши, чего в потёмках, конечно, не увидишь. Очередь у кабинета тоже оказалась нехилая, ждать пришлось прилично, но никто не слился, так-то ведь не к зубному ж сидят. А чтоб не заскучили, всем выдали по пирожку и чаю какого-то налили экзотического. Лунь-фунь или что-то не этом роде, не суть. Пацан себе сразу пять пирожков отхватил, чая этого побольше, не последний какой в стопке, сидит, жуёт, расслабляется. Наконец через полчаса подошла его очередь, рука какая-то в шёлковом халате из кабинета высунулась, помахала: подь сюда типа. Поцык тут же подскочил и одним прыжком в дверь влетел. Уже, понятно, и спать начало хотеться, и всё как-то маленько поднадоело, а праздника всё не наступает. В кабинет зашел – ничего не видать, палок благовонных притушили, чтобы тлели, типа атмосферу создают. Дышать нечем, спать охота, живот от чая подкручивает, кругом ничего не видать. Ладно, думает, отстреляться уж поскорее, и домой. Массажистка как раз дверь на ключ заперла, в сторону массажного стола машет: раздевайся. Вот так бы сразу, думает пацан. Непонятно только, что это она всё жестами, без слов – видать, по-нашему не понимает. Ну и ладно. Скинул тапочки, халат, запрыгнул на массажный стол, лежит уже весь готовый, почти только не улыбается. И тут откуда ни возьмись вырисовывается такой нежданчик: прямо над ним лицом к лицу физиономия какого-то небритого мужика в розовом халате, да ещё и явно со вчерашнего, здрасьте, говорит, почувствуйте себя как дома. Пацан вскочил, начал: что за дела, да чё кого, ничто мол не предвещало, а тут ещё и в розовом халате, какое там расслабишься. Верзила сразу начал его успокаивать, ну что ты, мужик, куролесишь, говорит, я тебя как мужик мужика понимаю, но и ты пойми, кризис, а кушать-то всем чего-то ведь надо.

ПЕРВЫЙ. Ситуация... И?

ВТОРОЙ. Ну, что, «и», какие могут быть варианты, хочешь – не хочешь, а деньги-то уже уплачены. Вот и думай.

ПЕРВЫЙ. Массаж-то как хоть был?

ВТОРОЙ. А я его спрашивал? Слава Богу, про это не рассказал. Но тот мужик, массажист который по несчастью, говорит, нормальный оказался, почти что даже подружились. И смех и грех. А в моей профессии всё намного проще, лишь бы красиво было. Мне не жалко. Другие раз вон до чего ради денег додумываются. Ты когда-нибудь видел животных в пустыне?

ПЕРВЫЙ. Нет, а что?

ВТОРОЙ. А ты посмотри. У них, когда днём солнце палит, вне тени находиться вообще никак нельзя – сразу лапы склеишь. Я один раз видел по телевизору, как пустынный кот пытался выгнать мелкую самодовольную ящерку из-под тени колючки. Тень-то, главное, тонюсенькая, а такая борьба за место под ней суровая. Кому-то, может, смешно, а я подумал, вот и не так ведь ещё раскорячишься, когда припечёт.

ПЕРВЫЙ. Мда, дела. (Обдумывает услышанное). Слушай, а ты случайно не того?

ВТОРОЙ. Кого?

ПЕРВЫЙ. Ну, этого. Только приехал и уже истории какие-то странные рассказываешь: про массаж, про то, кто где и как в пустыни лежит.

ВТОРОЙ. Нет, ты что, не того. Я парикмахер – какие у меня ещё могут быть проблемы?

ПЕРВЫЙ. Действительно. Ну, теперь мы оба шиномонтажники, поздравляю. Понимаешь что-нибудь в этом?

ВТОРОЙ. Конечно. Нет.

ПЕРВЫЙ. Не бойсь, это в порядке вещей. Я тоже сперва ничего не понимал. А теперь не понимаю чуть более, чем полностью. Да нет, если серьёзно, я тебя до того, как первый клиент заглянет, десять раз ещё всему успею научить. Главное – смекалка.

ВТОРОЙ. А куда они подевались, клиенты-то?

ПЕРВЫЙ. Да бывают изредка, сезонные. В этих краях же народ вахтовым методом подвизается, на повышенную пенсию зарабатывает. Не массажем, конечно, ну и не как мы с тобой. Хотя на нашей улице тоже бывает праздник. Тут, как народу понавалит, и продохнуть некогда – заказов выше крыши. Хитрости тоже свои есть. Индивидуальный, скажем так, подход к клиенту. Тут в прошлом годе работала одна, Алиска. Ты б её видел: стройная из себя вся такая, крашеная блондинка, глазки хитренькие, голос тоненький. Молоденькая совсем – от силы лет девятнадцать. Та вообще училась где-то в городе на архитектора, а тоже сюда на заработки приехала. От суммы да от тюрьмы не зарекайся. У нас тут, конечно, не тюрьма, но ты понял. С родными, видать, перессорилась, стипендию не платили, а жить на что-то надо. Так мы с ней вот какой аттракцион придумали. Знаешь ведь, все думают, что блондинки умеют только тормоз-газ различать, куда бензин наливается, ну и максимум знают президентов в лицо, которые на долларовых бумажках, вечно с них в автосалоне втридорога стрясут, а сами по кузову пройдутся влажной тряпкой пару раз и отпускают. И волки сыты, и овцы целы, потому что в итоге оказывается, ничего у них и не ломалось, а просто пудреница какая-нибудь попала между сиденьем и тормозом. А у нас вот такая тема была. Тут же в основном одни мужики ездят, вахтовые которые. Жёны далёко, так они целыми днями одни сидят парятся, хоть песни пой, хоть спать ложись, на тысячу километров практически тундра одна и холодрыга. А тут Алиска наша вся такая раскрасавица. Вообще-то она всегда в комбезе бегала – не в музее же работаем, да и в голове у неё всё прям как надо, в технике лучше нас с тобой разбирается, подшаманит всё, подрейхтует – только глаз радуется. Откуда что берётся, непонятно. В общем, распределение ролей у нас было такое: я стою на стрёме, а как увижу, кто-то едет, Алиске свистну, она тут же переоденется, намарафетится, дурочкой прикинется и давай клиенту в уши дуть: а как у

вас тут всё так устроено да ой, как в машине много места. Ясное дело, он от таких делов размякнет, поплывёт, тут уж наше дело нехитрое: услуг побольше накрутить, деньги собрать да отпустить с миром до следующих разов. А она его проводит, назад в комбез впрыгнет и снова ходовую налаживать. Аттракцион феминизма от противного. Не за деньги, а за принцип. Желających пошинтировать, скажу я тебе, немало было. Правда, потом уехала с одним из обслужившихся, видать, сильно понравилось. Зато весело было.

ВТОРОЙ. А ты как сам-то до жизни такой красивой докатился? Работал где, учился?

ПЕРВЫЙ. Мы все учились понемногу. А что толку? Уже пятый год пошёл, как тут сижу, врос, можно сказать по самые плечи, укоренился. Поначалу было ничего, время несло, как пуля. А потом потихоньку стало застывать, застопариваться, пока совсем не встало. Да и вас таких уж сколько туда-сюда проехало за всё то время. Ты ж тут не первый надумал объявиться. Было время, чуть не каждый день желающие устроиться приезжали.

Даже удивляюсь, что всех сюда тянет. Бывают такие места: зарплату месяцами не платят, объявлений о найме не размещают, а каждый месяц у них новые работники. Чудеса, понимаешь.

ВТОРОЙ. Чудеса – это когда два желтка в одном яйце, а остальное совпадение. Так на кого учился-то?

ПЕРВЫЙ. На ипполога.

ВТОРОЙ. Чего?

ПЕРВЫЙ. Специалист по лошадям, значит. Зоолог, ясно?

ВТОРОЙ. Чего ж неясного. Понял, больше спрашивать не буду. У каждого, в конце концов, свой крест в виде диплома о высшем образовании.

ПЕРВЫЙ. Так точно. А ты к нам надолго или как?

ВТОРОЙ. Да это как Бог пошлёт. Ну, судя по всему, теперь уже надолго.

ПЕРВЫЙ. Это ничего, зато нас теперь тут двое. Я вот даже рад, что ты приехал. Хоть будет с кем теперь поговорить, а то телевизор прошлый год сгорел, давненько никто не заезжал, а звонить мне всё равно некому.

А из-за автобуса ты не переживай. Переоденешься, вещи разложишь, отдохнёшь, обустроишься, заживёшь. Воздух тут свежий, климат чистый, никаких ГМО и примесей (раскладывают сумки в гараже, из одной достают бутылку.).

ВТОРОЙ. Что ли за знакомство?

ПЕРВЫЙ. Вот! и жизнь уже, смотрю, налаживается.

Сели, выпивают.

ВТОРОЙ. А не страшно тебе было сюда ехать, когда только уезжал?

ПЕРВЫЙ. А, чего нам бояться. От людей хотел куда подальше уехать, надоели.

ВТОРОЙ. Как это так? Люди же все хорошие, их надо только получше узнать.

ПЕРВЫЙ. Ну, конечно. Вот представь, накануне отъезда встретился мне на улице старый приятель. Мы с ним сто лет не виделись, он сразу после техникума в другой город переехал. А тут как раз к нам к командировку отправили. Я стою такой весь радостный – это ж ничего себе, такая встреча – улыбаюсь что есть мочи, ну, как что, как жизнь складывается, спрашиваю, так ли всё, как хотелось. Да вот, говорит, тещу в отдельную квартиру наконец-то переселил, на окраину города. Я ему, типа да, тоже в том году разменял с женой квартиру, теперь живу один, в спальном районе, ну, в доме то есть на въезде в промзону, где ещё в футбол-то против агриков гоняли, помнишь? Тепло, светло, тихо, ласточки под окнами гнёзда вьют. Первый раз хоть в жизни для себя пожить. Кругом свобода, воля: когда хочешь – пришёл, когда хочешь – ушёл. Живи

и радуйся. А он мне такой: ну да, да там же ни один приличный человек никогда бы даром жить не станл, там же кухни метров шесть, да у моей тётчи туалет больше. Ну, тут я даже не нашёлся, что сказать – развернулся и пошёл. Это ж восемь лет не виделись. Лучшими друзьями считались. А ты говоришь, людей узнавь. Их за всю жизнь не узнаешь, пока не проявятся вот так вдруг, не раскроют себя в полной красе. Да главное, мне-то что – пусть у его тётчи хоть золотой туалет, хоть трёхкомнатный или двухместный, не то ж обидно, понимаешь? Я вот несправедливость не люблю только. Иной раз всё наоборот. Видишь человека насквозь, все его действия на три шага взад и вперёд, а всё равно надеешься, что он не поведёт себя как последняя скотина, передумает. В конце концов надоело надеяться. Собрался да уехал. Здесь климат, думал, подходящий. Много народу не сунется.

ВТОРОЙ. И тебе их не жалко? Кто же им тогда поможет? Кто поспособствует, так сказать, всеобщему прогрессу и развитию общества?

ПЕРВЫЙ. Что ты, Вася! Какой ещё прогресс, смеёшься? Люди не любят перемен. Это всё бесполезно и обречено на провал. Хотя мне всегда хотелось чего-нибудь нового, приключений.

ВТОРОЙ. Много приключений – мусорные мешки из щебёнки выколупывать.

ПЕРВЫЙ. А, что теперь говорить. Сижу, кукую. Сил смотреть на то, что творится на большой земле, не было. Люди перестали верить в хорошее, себе не доверяют, предложишь им помочь – и то не поверят.

ВТОРОЙ. А подругу жизни чего не заведёшь? Не нужна что ли?

ПЕРВЫЙ. Понимаешь, как тебе сказать. Она мне, конечно, нужна, но нафиг. Попросту говоря, нафиг не нужна. Дружба – главная ценность в жизни, а не бабы. Ты вообще нашёл что сказануть, когда я тебе о серьёзных вещах.

Люди в кино сидят – и то не мечтают. Полёта в них нет, суетятся чего-то, путаются сами в своих проблемах. Со стороны всё ясно: ты за ниточку дёрни, клубок и распутается, жить станет лучше, жить станет веселей, ан нет, никто в ту сторону даже не смотрит. Мы же лёгких путей не ищем. Обидно смотреть.

В итоге все чувствуют себя никому не нужными, а ты так и остаёшься со своей помощью один за пределами времени-пространства.

ВТОРОЙ. Ладно, не унывай. Раскидаем мы весь твой бардак, заиграет мир по-новому. От внешнего к внутреннему. Не кисни.

ПЕРВЫЙ. Так-то да. Вон, в Америке какой-то занюханнейший радиолобитель в своём гараже из консервных банок собрал прибор для связи с космонавтами. И, главное, нашёл тоже, что спросить: Как там у вас в космосе, темно? Хорошо хоть, ему наш космонавт попался, не понял, о чём речь, а то опозорился бы на весь космос.

ВТОРОЙ. Что ты хочешь от людей, которые даже свою страну на карте найти не могут. Собрать радиопередатчик – это ещё не всё в жизни.

ПЕРВЫЙ. Вот именно, что мы, хуже что ли? А ты мне нравишься, есть в тебе широта мысли. А! куда свобода от нас денется, вот ведь они мы, стоим, открытые, так сказать, всему миру, дышим полной грудью. А ты говоришь, бабы. Рано нам ещё унывать. За шиномонтаж не переживай. Я тебе лично всё покажу, расскажу, чего куда крутить и вертеть, вмиг мастером у меня станешь, ещё до первого клиента. Успеем, как пить дать.

ВТОРОЙ. Не успеем.

ПЕРВЫЙ. Да не боись ты.

ВТОРОЙ. Вон, один уж, похоже, едет. (смотрят на дорогу, вдали клубится пыль. Приближается машина с надписью на борту: «Заказ элитных такси» и номер телефона).

ПЕРВЫЙ. Этого я возьму на себя.

Такси подъехало. Из него вышла женщина, поправила на носу солнцезащитные очки, скептически оглядела местность. У неё блестящая помада, причёска растрепана ветром, бежевые обтягивающие джинсы, заправленные в красные ботфорты на каблуке, кожаная куртка, маленькая, в прошлом белая сумочка.

ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ. Хоть бы окно что ли закрыла!

АЛЛА. Ехай, ехай давай, дядя, сам закроешь. И так вёз, как мешок с картошкой, по всем колдобинам. Все собрал, ни одну не оставил? (Со стуком захлопывает дверцу. Такси отъезжает.)

(Смотрит на двух мужчин в гараже.) Это что ли будет ООО «На колёсах»? какая-то там промзона, 1?

ПЕРВЫЙ. Ну, кому будет, а кому нет. А Вам чего?

ВТОРОЙ. Оно самое. А Вы кто?

АЛЛА. Я Алла Семёновна Кузнецова, «Восьмой канал», коротко о главном.

ПЕРВЫЙ. Журналистка что ли?

АЛЛА. Почти. Ведущая прогноза погоды.

ПЕРВЫЙ. Что-то это уж совсем коротко о главном.

АЛЛА. Вы прогноз погоды смотрите? Хотя зачем вам (оглядывает ещё раз мутное небо, серый пустырь с летающим организованными группками мусором и покачивающуюся табличку у входа.) У вас тут, похоже, всегда минус сто со всеми осадками.

ПЕРВЫЙ. У нас не на чем смотреть, мы в основном предчувствуем. Телевизор ещё в том году сдох.

АЛЛА. Мда, весело у вас тут.

ВТОРОЙ. А Вы что, сюда никак на работу?

АЛЛА. Ну, да, а что? (смотрит оценивающе на него.)

ПЕРВЫЙ. Мы таких работников соплёй за раз перешибаем.

АЛЛА. Но-но, спокойно. Рабочий класс, опора коммунизма. Тебе не палки в колёса втыкать, а учить меня надо. Покажешь всё, разберёмся, я сообразительная.

ПЕРВЫЙ. Ладно, оставайся. Будет хоть кому прибраться тут всё наконец. Только лапсердак чтоб не трогала, пальто вон на том крючке висит. Ясно?

АЛЛА. Я тебе тут вообще-то не уборщица. Хотя в такой грязи работать тоже не вариант. Что у тебя там висит?

ПЕРВЫЙ. Лапсердак. По-русски говоря, пальто.

АЛЛА. Дорогое что ли?

ПЕРВЫЙ. Мне – да.

АЛЛА. Понятно. Ладно, прибёрмся. А мальчик мне не поможет?

ВТОРОЙ. Конечно, пойдёмте. Я сам только что приехал, заодно осмотреться, что где.

(Второй и Алла зашли внутрь, он положил вещи на старое кресло, она нашла два веника. Подметают.)

АЛЛА. А как у вас тут с зарплатой?

ВТОРОЙ. С чем?

АЛЛА. С оплатой труда в денежном размере.

ВТОРОЙ. Да, говорят, именно с этим – никак. Видите, клиентов нет.

АЛЛА (останавливается). Абзац. Это то есть как? То есть ну вообще? Никаких?

ВТОРОЙ. Видать, так.

АЛЛА. Поня-ятно. Ну лаадно. Вообще, я тут, конечно, временно, ненадолго то есть, но чтоб прямо так, этого не ожидала.

ВТОРОЙ. А как это Вы – первый день, а уже «ненадолго»?

АЛЛА. Масштаб мелковат, габариты не те. Нет перспектив, говорю.

Заходит Первый.

ПЕРВЫЙ. Тебе какие перспективы-то нужны – влажность побольше или осадки обильнее?

АЛЛА. Телеканал побольше.

ПЕРВЫЙ. Прошлый-то, видимо, мелковат был?

АЛЛА. Значит, мелковат. Не Ваше дело.

ПЕРВЫЙ. Сильно надо. Только хорошего работника за три версты видать. А я сейчас ничего не вижу.

АЛЛА. Умный самый? (Натыкается на полупальто, висящее у дальней стенки. Из него выходит клуб пыли.)

АЛЛА (кашляет). Это что ещё за пылесборник?

ПЕРВЫЙ (бросается к ней, чтобы не дать снять пальто с вешалки). Не трожь. Это то самое пальто и есть.

АЛЛА. Его же моль изъест. Вы что, совсем того? Мало грязи? Коллекционируете?

ПЕРВЫЙ. Что б ты понимала. Три кругом, пальто не трогай.

ВТОРОЙ. А что это?

ПЕРВЫЙ. Это друга моего.

АЛЛА. Какого друга? Где он сам? Пальто есть, а его нет?

ПЕРВЫЙ. Он был тут. Давно уехал. Вот что, хватит мести, хорош на сегодня, весь сор в воздух подняли.

АЛЛА. А я кстати слышала, что желающих отшномонтировать к здешних краях негусто, это так?

ПЕРВЫЙ. Бывают изредка, сезонные.

АЛЛА. Ясно, то есть и тут бабла нет.

ВТОРОЙ. Ну, зачем так категорично, на ловца и зверь бежит. Надо только подождать.

АЛЛА. А ты мне нравишься своим оптимизмом. Как там - стакан наполовину полон или наполовину пуст?

ПЕРВЫЙ. Мангуст.

АЛЛА. Странный у Вас юмор, конечно.

Алла села в кресло. Греет руки в карманах куртки.

ВТОРОЙ. Прозябаете, Алла Семёновна?

АЛЛА. Да с вами всё, что хочешь, прозябать можно.

ВТОРОЙ. Никогда не знаешь, какое счастье ждёт за поворотом. Просто ему нужно иногда помогать. Иначе так и прождёт.

АЛЛА. Да? (смотрит на него, словно наметив перспективу.) В Москве тоже так говорили. А что ВЫ ещё думаете об успехе? С Вами интересно разговаривать. Не все в этой дыре такие непросвещенные. (смотрит на Первого.) Знаете, а не пойти ли нам прогуляться, например, в магазин?

ПЕРВЫЙ. Не советую. Тут местность дикая, неромантическая, протопчетесь девять километров по пыльной дороге, а каждый метр вам будет попадаться на глаза один и тот же куст с тремя ветками – слева, и одна и та же плесневая коряга – справа.

АЛЛА. Увидим.

ПЕРВЫЙ. Тебе сколько лет (Алле.)?

АЛЛА. Ой, ну что вот начали? Двадцать один есть, если об этом.

ПЕРВЫЙ. Мне бы и восемнадцати хватило.

АЛЛА. (удивлённо-польщённо.) Да Вы что? Прямо так?

ПЕРВЫЙ. Прямо так. За сигаретами тебя послать хотел.

АЛЛА. Ну, знаете ли!.. Это пока Вы будете тут завалы гараже разгребать, мы пойдём осматривать окрестности. Узнаем, нет ли в соседних магазинах швейного набора и пипетки.

ПЕРВЫЙ. Лучше еды купите. На троих рассчитано не было.

АЛЛА. Пожалуй, с этим можно согласоваться.

ПЕРВЫЙ. Ой, мама, роди меня обратно. Как её ещё на телестудию пустили?

АЛЛА. Что?

ПЕРВЫЙ. Дамочка, согласовывайтесь уже быстрее. У меня ещё дела.

АЛЛА. Сейчас идём (Второму.) Вы же меня проводите?

ВТОРОЙ. Ну конечно, о чём речь.

Уходят.

ПЕРВЫЙ. Тьфу, бабы. Ходите, давайте, ходите. Всё равно тут только одно сельпо, да и то по понедельникам закрыто. Нескоро лавку найдёте, работнички.

Картина вторая

Второй с Аллой идут по пыльной дороге, им в лицо дует боковой ветер.

АЛЛА. А и правда, один и тот же куст слева, та же ветка справа. Всё как этот угрюм бурчеев говорил. Прямо армагедонец какой-то.

ВТОРОЙ. Можно спросить? Почему Вы решили сюда поехать?

АЛЛА. Смена обстановки. Москва давит людей, высасывает из них все соки. Устала. Замоталась. Захотелось отдыха, покоя на свежем воздухе, вдали от шума, пыли и грязи. Ещё были обстоятельства, конечно. Как-то так. А Вы?

ВТОРОЙ. Да я сам не понял. Вроде вчера ещё был тут, а завтра уже там. Наверное, хотел разобраться в себе, что-то поменять. Поехал за лучшей жизнью.

АЛЛА. И оказались здесь.

ВТОРОЙ. Да разве важно, откуда начинать, пути Господни неисповедимы. Главное – результат. Хочется сделать мир лучше. А как и где – Бог его знает.

АЛЛА. Довольно расплывчато.

ВТОРОЙ. Все так говорят. Считают, я не понимаю, чего хочу от жизни. А мне интересно всё сразу. Проживаю несколько сценариев жизни в одно и то же время, диаметрально противоположных. Иногда даже приходит мысль: вот если вдруг стану женщиной, надо будет жить так-то и так-то. Хотя пол менять не собираюсь, бред какой-то. Какая-то перестраховка на все случаи жизни, стремление к неограниченным возможностям. Видимо, боюсь остаться без свободы выбора. Я вообще идеалист. Не просто живу, а думаю, как сделать жизнь всем сразу лучше. То собираюсь устраиваться на работу в зоопарк, то ехать спасать пингвинов, то баллотироваться в депутаты – вечно в поиске. Люди таким порывам либо не верят, либо держат за дурака. Нет, честное слово. Надо же начать с себя.

АЛЛА. Какой Вы хороший.

ВТОРОЙ. Смеётесь? Грех смеяться над убогим.

АЛЛА. А Вам никогда не хотелось уехать на край света, скажем, на остров в Амурском заливе?

ВТОРОЙ. Да разве ж тут не край света? Пыльные бури, шестьдесят два солнечных дня в году.

АЛЛА. Вполне периферийно, но не шикарно. Так сказать, плюс два, переменная облачность, морозящий дождь. Нет, Вам хотелось бы резко поменять жизнь к лучшему?

ВТОРОЙ. На благо человечеству?

АЛЛА. У меня есть одно маленькое предложение с большой перспективой на одной дальневосточной метеостанции, как раз на двоих. Я одна не могла бы согласиться. Берег Амурского залива, выход в Тихий Океан. Море, солнце, романтик.

ВТОРОЙ. Я только что сюда приехал, мне здесь нравится.

АЛЛА. Этот грубый недоваленок?

ВТОРОЙ. Что так сразу, он хороший.

АЛЛА. Талант не должен пропадать. Для этого существует масса бездарностей. Тут – это так, чисто перекантоваться. И кстати, работа на метеостанции может помочь в будущем улучшить экологию.

ВТОРОЙ. Да Вы что? Конечно, звучит заманчиво: моря, путешествия, дальние берега, ветер перемен и экология.

АЛЛА. Значит, решено. Примем все нужные подготовительные меры. Север-северо-восток, 15 метров в секунду, погода ясная, движение к цели умеренное.

Доходят наконец до ближайшего домика – импровизированного магазина.

Картина третья.

Вечерние сумерки. Пыльное облако на пустыре шумит, завихряется, предвещает бурю. Сквозь толстое стекло пробивается свет лампочки Ильича, зажжённой в шиномонтажке. Внутри в старом кресле сидит Первый. Он задумчиво смотрит на дальнюю стену, машинально крутит в руке карандаш.

Заходят Алла и Второй, о чём-то болтая, пересмеиваются. Первый не сразу их замечает.

АЛЛА. Летом море очень тёплое, прекрасный пляж, апельсины растут прямо на улице. Только это если ехать пять часов на пароме.

ВТОРОЙ. Не так далеко.

АЛЛА. Круглый год сёмга, икра красная, чёрная, вкусный виноград, миниатюрные арбузы, коралловые грибы. Богульник цветёт.

ВТОРОЙ. Жаловаться не на что.

ПЕРВЫЙ (говорит из тёмного угла, вошедшие, его заметив, вздрагивают). Я всё думаю, отчего пал Приамов град? Царь, царица и весь их род. У него же была дочь, Кассандра, предсказательница. Послушай бы её, и всё бы было гладко. Ни к чему гневить богов, да, ни к чему.

ВТОРОЙ. Это ты о чём?

АЛЛА (снимает верхнюю одежду, приводит её в порядок, отряхивает от пыли). Да ну его, что там слушать, одичал в четырёх-то стенах, шарики за ролики заехали. Помогли лучше сумки разобрать. Еле достанешь тут что-то съедобное. А он тут отлёживается.

Второй и Алла достают посуду из тумбочки, протирают её, раскладывают купленную готовую еду, расставляют кружки, стеариновые свечи, салфетки.

(Первому).

Садись давай. Есть-то будешь или замерз там в своём кресле, изваяние?

ПЕРВЫЙ (очнувшись). Работать я люблю, а где у вас столовая? Что купили? Сколько всего. Молодцы. Какой-то от тебя есть всё-таки толк.

АЛЛА. Еле успели до закрытия, схватили всё, что под руку попало.

ПЕРВЫЙ. Продавщицу тётю Зою хоть оставили, надеюсь, или тоже прихватили?

ВТОРОЙ. Это всё Алла. Так душевно с продавщицей поговорила, всё у неё расспросила про себя, про места здешние, историю какую-то жалобную рассказала. Вы что, правда жили без матери в деревне?

АЛЛА. Да нет, конечно, доверчивый ты мой. Хочешь что-то поиметь, думай, как достать это, сам.

ПЕРВЫЙ, Афоризм, вишь, какой-то забамбанила. Слышала где?

АЛЛА. Сама только что придумала.

ВТОРОЙ. А как же тогда?..

АЛЛА. Ешь давай. Не спрашивай.

ПЕРВЫЙ. Ещё бы. Кто умеет врать, тому ж потом не отдавать?

АЛЛА. Скажи спасибо, что угощаю. Можно сказать, из милости. Знакомы без году неделя, а ничего тоже, делим стол. Преломили хлеб, раскурили трубку мира.

ПЕРВЫЙ. Ты свою трубку засунь себе в...

ВТОРОЙ. Мы пока гуляли, Алла столько всего интересного рассказывала. Как погоду определяют, например. Оказывается, чтобы понять, снег или дождь завтра будет, нужно измерить скорость испарения влаги, разницу температур и что-то там ещё, забыл.

ПЕРВЫЙ. А чё? На ладошку поплевал. В форточку высунул и всё понятно – ветер юго-западный, погода отличная.

АЛЛА. Гидрометеорология – наука точная. Подобных методов не терпит.

ПЕРВЫЙ. А вы ещё дустом попробуйте.

АЛЛА. Циклон – будет дождь, антициклон – не будет. Всё зафиксировано и запланировано.

ПЕРВЫЙ. Я вас умоляю, это когда прогноз погоды не врал? Даже падения метеорита предвидеть не могут. Астрофизики.

АЛЛА. Зря смеётесь. У нас, между прочим, бывали напряжённые трудовые будни.

ПЕРВЫЙ. Е-что?

ВТОРОЙ. Ещё вот говорит, перспектив здесь нет, надо срочно отсюда ехать, чтоб талант не замело, людям помогать.

ПЕРВЫЙ. Раз её там ждут. Похвальная инициатива. Вы что, Аллочка, уже уезжаете? А почему так медленно?

АЛЛА. От ваших кислых разговоров уши вянут. Пойду до ящика письмо кину. Проведу время с пользой. Не скучайте!

Уходит.

ПЕРВЫЙ. Постараемся. Видал, что прислали? И это, главное, когда не сезон. Полный финиш. Москвичка на всю голову. Сбежала что ль там от кого. По-любому.

ВТОРОЙ. Не знаю, красивая вроде.

ПЕРВЫЙ. Учись, пока я жив. Красивая – ещё не значит хорошая. Чем баба красивее, тем опаснее. Будешь это помнить, будешь цел. Будешь по маленькой?

Второй кивает, они садятся за стол.

Как заметил один старый археолог на своём восьмидесятом юбилее, самое важное и трудное в деле археолога – это постоянно противостоять влиянию алкОголя.

ВТОРОЙ. У меня знакомый, когда служил в юго-восточной Азии, всё боялся там заразиться каким-нибудь страшным вирусом. У него было твёрдое убеждение: сто грамм утром, сто вечером и перед сном – и никакая инфекция не страшна. Говорил, проверенный метод.

ПЕРВЫЙ. Ну что, помогла, не заразился?

ВТОРОЙ. Уж не заразился – спился.

ПЕРВЫЙ. Не вынесла душа поэта.

ВТОРОЙ. Вроде того. Нет, ты знаешь, что в ней самое главное, в Алле то есть? Целеустремлённость.

ПЕРВЫЙ. Нашёл чему радоваться. Если баба знает, что ей от тебя надо, то всё, пиши пропало. Поминай как звали. Их так просто не проведёшь. А эта так вообще. Тоже мне принцесса. Хоть бы приличного чего подсунули, а то вон, воинствующая Москва. Мы им тут не что-нибудь, у нас в регионах пока тоже кое-что водится.

ВТОРОЙ. Ещё прогноз погоды вела. Важная такая, умная. А вот как ты думаешь, а спорим, будет дождь?

ПЕРВЫЙ. Да язь его знает. Всё может быть. Погоду наверняка не предскажешь. Не то что человека. Видел, на той стене пальто такое старенькое висит. От друга осталось. Были с ним напарниками года два назад, не разлей вода, в первый раз в жизни у меня такой друг был. Как и ты, порядок любил, чтобы всё на своём месте, аккуратист был – жуть. Пальто всегда на один и тот же крючок вешал. Там и оставил. «Лапсердак» его называл. Видно, так больше нравилось. Ну да ладно. У нас даже мечта была общая: вокруг всю землю объехать и по пути всем детишкам встречным по эскимо раздавать. Глупо, конечно. Зато искренне и по-честному. Работали, деньги откладывали. В один сезон приехал к нам мужик из Приволжья с дочкой. Пару раз заезжал. Дочка его всё у нас крутилась: как ни приду, в гостях сидит. А в один прекрасный день смотрю – ни друга, ни дочки, денег из коробки и то след простыл. Потом слышал, погибли где-то в горах, не справились с управлением. С тех пор у новеньких имён не спрашиваю, к ним не лезу, сами тоже никто шибко не представляется, надолго не задерживается, а мне и дела нет. Уж лучше одному, чем такое.

ВТОРОЙ. Люди неплохие, просто они иногда сильно глупые.

ПЕРВЫЙ. Хорошо бы так, хорошо бы. Да и все знают, что на пару месяцев только, а потом куда подальше отсюда. А я уж тоже молодец, одичал: сам тут хожу с собой разговариваю, типовой пенсионер, прикинь, а? Нет, брат, не пугайся. Есть ещё порох в пороховницах. Хорошо всё-таки, что ты приехал, хорошо.

(Смотрит в окно.)

Вон она идёт, твоя глиста в шапочке.

Заходит Алла.

АЛЛА. Как уборка продвигается? Я смотрю, вы не сильно умаялись? Польшисрак этот так никто и не выхлопал.

ПЕРВЫЙ. Сама ты польшисрак. Лапсердак – это ж такое музыкальное слово. Разве ты не чувствуешь его музыки? Прямо слышатся боль, обида, сама неизъяснимая неприкаянность. А ты тут со своим польшисраком влезла. Руки прочь от Вьетнама. Иди отсюда лучше. Не тумань картину мира.

АЛЛА. В зюю. Ясно, молодцы. Кот из дома – мыши в пляс?

Как у вас тут с горячей водой душ принять – горяча?

ПЕРВЫЙ. Калмача.

АЛЛА. Чего?

ПЕРВЫЙ. Конфеты такие, угощайтесь. Или шла, так иди. Рождённый ползать, уйди со взлётной полосы.

Засыпает.

Второй и Алла некоторое время сидят тут же, потом расходятся спать.

Картина четвёртая

Первый спит. Ему снится море, над волнами золотистая дымка, которая манит его своим блеском и переливающимся колыханием. Он поднимается, зачарованный, следует за ней, через какое-то время перестаёт чувствовать дно, начинает захлёбываться, мираж обращается слепящей красоты женским образом, просит исполнить просьбу:

подать лежащий на дне парчовый платок. Он поднимает платок, подаёт его русалке и в тот же миг понимает, что снял с себя последнее одеяние, русалка оглушительно смеётся, взмахивает платком, рассеяв ослепительный свет, растворяется в морском ветре.

Ветер со стуком распахнул форточку. Первый повернулся на бок, пробормотав сквозь сон: «последнюю рубашку», погрузился в сон.

Утро. Алла сидит у стола довольная, молчит. Рядом стоит её почти собранная сумка. Первый входит на кухню, берёт кружку чая.

ПЕРВЫЙ. Ооо, воинствующая Москва явила себя нам, нечестивым. Здрасьте, что так рано, как сегодня спали?

АЛЛА(смотрит на него, будто под видом светской беседы загадывая ребус, ответ на который они оба знают). Преотвратно. Магнитные бури налетели этой ночью, и прохладный циклон определяет погоду в регионе.

ПЕРВЫЙ. Ах, так, понятно. Я сейчас как раз все пустые канистры, загоразивавшие проход, на пустырь выкинул. Низковато полетели, видать, к дождю.

АЛЛА. Магнитные бури могут быть очень опасны для людей с повышенным давлением. У Вас как сердечко стучит, без перебоя?

ПЕРВЫЙ. Ах, не беспокойтесь. Сердце моё сохранно, как в швейцарском банке, и, будьте уверены, приносит неплохие доходы. Короче, звезда моя. Где он?

АЛЛА. Игорь?

ПЕРВЫЙ. Ах, он тебе уже и имя своё успел сообщить?

АЛЛА. А мы с ним не собираемся расставаться, ещё долго. Зачем Вам Игорь? Разве у вас есть с ним хоть что-то общее? Он отправился полюбоваться рассветным небом, а заодно купить нам авиабилеты в один конец. Мы сегодня уезжаем на Дальний Восток. Игорь отправляется первым, я – за ним. Обратного пути нет и быть не может – это все деньги, которые я смогла достать. Как только он дождётся меня на острове О., мы сядем на паром, идущий до острова Р., где будем жить тихо и безмятежно.

ПЕРВЫЙ. Что за бред?

АЛЛА. Что, не ожидал?

ПЕРВЫЙ. Предчувствовал. От такой как ты ещё не то ожидал.

Тебя за три километра видно. Не думал, что так быстро.

АЛЛА. Он у нас такой – куда ветер дует, туда и деревья качаются.

Кто похвалит меня лучше всех, тот получит большую, вкусную конфетку. А ты и не понял, честностью хотел взять, душу открыл. Простофиля.

ПЕРВЫЙ. А как же карьера, столица, деньги?

АЛЛА. Всё подождёт. Главное найти хорошую опору. Я – нашла. Первое время мы поработаем на этой несчастной метеостанции. Через года два поедem в Москву, я там пройду собеседование на какую-нибудь вечернюю программу. А нет – будем пока из Китая сумки, тряпки возить, ничем не побрезгуем. И то лучше, чем здесь прозябать. Тем более, таким одарённым и благородным людям здесь делать нечего. Они должны приносить пользу человечеству.

ПЕРВЫЙ. Если увижу их, передам.

АЛЛА. Или хотя бы думать, что приносят пользу во благо человечеству (смеётся).

ПЕРВЫЙ. Ах ты! Он стоит тысячи таких, как ты, мелочная, продажная дрянь.

АЛЛА. Чего переживаешь? Портовый город без еды не оставит.

ПЕРВЫЙ. Портовых шлюх.

АЛЛА. Чё кто сказал? Курс двенадцать часов ровно, ветер северо-восточный, приносящий успех. (Отворачивается, хочет наклониться за сумкой.)

Первый хватает её за руку.

ПЕРВЫЙ. Или ты от него отступишься, или я за себя не ручаюсь.

АЛЛА. Ты на него очень плохо влияешь.

ПЕРВЫЙ. И как вас ничто не берёт: дустом вас пробовали, огнём жгли, керосином травили, не изведётесь никак, не поймёте места своего, гадины. Заставляете разменивать бессмертную душу на мелкие радости семейного быта.

АЛЛА. А может, я с тобой ещё останусь.

Первый бросается к ней, хватая за горло, начинает душить.

ПЕРВЫЙ. Как ты смеешь, ничтожная, подлая...

АЛЛА. Ты погряз в своих фантазиях, нежишь память о друге, который, выехав из города, забыл твоё имя. Потому что ты не живёшь сам и не позволяешь делать этого другим. Это не ты сюда сбежал, это от тебя избавились. Люди устали от тебя. Им не нужна ни твоя распахнутая душа, ни твои излияния, ни доморощенная правда. Им нужна иллюзорная простая картина мира и их собственная, прожитая в маленькой коробочке жизнь.

ПЕРВЫЙ. Ты всё врешь!

АЛЛА (срывающимся голосом, вырываясь). Ты живёшь: ошибка на ошибке. Оставайся где хочешь. А мы будем жить. Нас там ждёт икра. Виноград. Миниатюрные арбузы.

ПЕРВЫЙ. Черемша, корюшка, морские огурцы. (Заметил оставленную Вторым висящую на стуле кепку) Прости, друг. Никого я не смог уберечь, никому не помог. Всё только вам в угоду. Всё всегда для вас. Не дождётесь. Дальше пойдёшь по приборам.

Убивает.

Темнота

Занавес

Конец

г. Екатеринбург, 2015 год.